

© 2008 г. Г. В. ИБНЕЕВА

ЕКАТЕРИНА II И МАЛОРОССИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В 1787 году

Поездки Екатерины II по России определяли приоритеты внутренней политики, формировали имперскую идеологию российского правительства. В практике венценосных путешествий Екатерина использовала символические ресурсы культурного пространства: религиозные, моральные и другие для того, чтобы утвердить образ российской императрицы, одной из констант которого являлась ея православная составляющая. Большую роль в утверждении благочестивого облика монархини сыграло ее взаимодействие с малороссийским духовенством. Изучение этого коммуникативного процесса представляет существенный интерес для изучения использования верховной властью факторов религиозной и культурной идентичности как одного из средств политической легитимации.

Приехав в Киев 29 января 1787 г., царица посетила Софийский собор, девичий Богословский монастырь, Фроловский девичий монастырь, Михайловский монастырь. Знаковым моментом ее пребывания в городе явилось посещение Киево-Печерской лавры 15 февраля 1787 г. Приложившись в Успенском соборе к чудотворной иконе Успения и к мощам свв. угодников, она в сопровождении иеромонаха Каллиста (наместника Киево-Печерского монастыря), своего духовника И. Панфилова, с лицами свиты спустилась сначала в верхние (ближние) пещеры, а затем пошла в дальние пещеры, где ее встретил иеромонах Виталий [1. С. 169–170].

Пещеры Киево-Печерской лавры имеют особое значение для православных людей. Поселение преподобного Антония на территории дальних пещер считают началом основания Киево-Печерского монастыря [2. С. 3-4]. Со временем пещеры, хранившие в себе мощи святых, становятся местом паломничества. Напротив храма Рождества Христова в дальних пещерах находилась и находится глубокая ниша, где в стеклянных и металлических сосудах хранятся мироточивые главы. Считается, что они принадлежат святым божьим угодникам и пользуются особым почитанием прихожан. Известно, что одна из них принадлежит священномученику Клименту, Папе Римскому: ученик апостола Павла, третий по счету римский епископ, он был сослан на камнеломни Херсонеса. Обратив и в ссылке множество людей в христианскую веру, он навлек на себя еще боль-

---

Ибнеева Гузель Вазыховна – канд. ист. наук, доцент исторического факультета Казанского государственного университета.

ший гнев гонителей и был утоплен в Черном море [2. С. 25–26]. Будучи сухи и не покрыты кожей, главы источают елей или миро. Не случайно в этих местах, столь значимых для православия, Екатерина приняла помазание миром из мироносных глав [1. С. 170].

В один день обойти ближние и дальние пещеры довольно утомительно не только для 58-летней императрицы, но и для молодого человека. Однако царица осознавала важность посещения значимых культовых сооружений, что отражалось и в понимании необходимости информирования населения об этих венценосных визитах. Об императорском причащении и посещении пещер И. Панфилов сообщил в Правительствующий Синод для отсылки этого сообщения в канцелярию императорской Академии наук для “припечатания о сем в газетах” [3].

Важным аспектом восприятия населением Екатерины как истинно благочестивой императрицы были ее пожертвования, дары русской православной церкви. Для императрицы Киев был не только город, с которого начиналась русская земля, но, прежде всего, место, откуда начало распространяться православие. Материалы архива Киево-Печерской лавры [4], а также архива Киевской духовной академии [5] свидетельствуют о многообразии этих пожалований.

Императрица проявила чуткость к материальному положению самого духовенства. Так, например, ею была пожалована монашескому Лавры сумма в размере 3 тыс. рублей, которую духовный собор решил честно разделить между братией в соответствии с их рангом в церковной иерархии [4. Д. 605. Л. 314 об.]. Начальник типографии Лавры и екселеиарх получили по 78 руб. 74 коп., начальник больницы – 59 руб. 5 1А коп., иеромонахи – 39 руб. 31 коп., иеродиаконы – 31 руб. 19 коп. Меньше всего досталось монахам-пономарям и больничным монахам – 19 руб. 68 Уг коп. Все получившие следуемую сумму расписались в ведомости. Не забыла царица и заштатное монашество Киево-Печерской лавры, которому было пожаловано 500 руб. [4. Д. 605. Л. 319–319 об.]. В Малороссии с 1786 г. начала проводиться секуляризация земель, и власти, видимо, было важно показать, что она поддерживает и тех, кто остался за штатом. Внимание венценосной особы к духовенству выразилось и в даровании риз Софийскому собору, Десятинной церкви и другим церквям [4. Д. 749. Л. 3–3 об.]. Как известно, издавна культовые сооружения были местом сосредоточения людей, просящих подаяние. Екатерина, следуя православной традиции, жертвовала и на них, что было оценено киевскими маргиналами. 8 марта 1787 г. П.А. Румянцев писал Екатерине II “о находящихся в трех здешних богадельнях нищих, ...которые находятся в надлежащем призрении, и по миру не шатаются, но некоторые и отнюдь не нищие, увидев теперь щедрое милостины подаяние, притворяное старостью и калетством, и надевают на себя рублища, и при всем строгом от полиции наблюдении собираются толпами около церквей у Печерской лавры и у пещер, и особливо беспокоят вашего императорского величества духовника”. В силу этого генерал-губернатор, переговорив предварительно с И. Панфиловым, отдал распоряжение приказу общественного призрения, а также городничему выполнять свои обязанности в соответствии с “Учреждениями о губерниях” [6].

Императрица с сочувствием отнеслась к проблемам Лавры. Известно, что, узнав о появлении в фундаменте соборной церкви Лавры трещин, она предприняла меры по устранению причин их возникновения. Очевидно, по ее распоряжению 18 марта 1787 г. губернским архитектором Буцци был сделан осмотр

церкви и укреплен фундамент здания [4. Д. 749. Л. 5]. 23 марта 1787 г. Екатерина писала П.А. Румянцеву о том, что она распорядилась о переводе денежной суммы для доставки из Могилева 600 кубических сажень булыжника для мощения улиц Киева, часть которых следовало употребить на сохранение фундамента церкви [4. Д. 749. Л. 3]. Данное письмо свидетельствует о том, что Екатерина входила в детали дела. Вообще, на ремонт построек Киево-Печерского монастыря и кафедральной церкви было пожаловано 24 тыс. рублей [4. Д. 749. Л. 3 об.].

В дар монастырям и церквам императрица жаловала церковную утварь. Так, например, в Киево-Печерскую лавру было подарено серебряное паникадило [4. Д. 749. Л. 3]; в Киево-Софийский собор – золотые сосуды: потир (“выложенной сканной золотой работой”), дискос [5. Ед. хр. 36. Л. 4]; в Златоверхомихайловский – золотая лампада с жемчужной и “бриллиантами клетью” [4. Д. 749. Л. 3]. Особое внимание августейшая особа уделяла православным святыням, общезначимым для всех прихожан. Киево-Софийскому собору она подарила парчовый покров к мощам святителя Макария; Златоверхомихайловскому монастырю – парчовый покров к мощам св. великомученицы Варвары [4. Д. 749. Л. 3], Киево-Печерской лавре – золотую лампаду с бриллиантовой кистью к мощам св. кн. Владимира, а также парчовые покровы ко всем святым мощам. Дорогой подарок отражал стремление царицы подчеркнуть понимание ею значимости этой святыни: мощи св. Владимира олицетворяли начало православия на Руси.

Высшие иерархи церкви в лице Самуила Миславского использовали эти факты для того, чтобы еще раз подчеркнуть истинное благочестие императрицы. Так, в письме к Екатерине Самуил выводил из ее даров истинную веру: “Она, поставляя драгоценнейший матерний дар в Храм Богоматери, с восхищением проповедует чистейшую веру и пламеннейшее усердие Вашего Величества к Богу... и, не находя иной жертвы кроме вечных благодарений и горячих молений новой славы, возвышается ко пресветлому превечному престолу...” [4. Д. 749. Л. 63]. Таким образом, Самуил поднимал образ императрицы до уровня божественного престола, т.е. подчеркивал сакральность ее власти.

Высочайшие пожалования должны были стать объектом особой заботы со стороны духовенства. Самуил предписывал духовным лицам при получении даров записать их в церковные описи, с “означением” года, месяца и числа. Эти вещи должны были храниться со всей осторожностью [Ед. хр. 36. Л. 2]. Часть этой церковной утвари использовалась при богослужении. Например, серебряное паникадило было установлено в большой Лаврской церкви (Успенский собор) в “самом пристойнейшем месте” перед царскими вратами [4. Д. 749. Л. 74 об.].

Между тем, трепетное отношение к этим подаркам в среде низшего священства наблюдалось не всегда. Сохранился донос на священослужителей Десятинной и Андреевской церкви в Киеве, составленный в начале 1770-х годов. Данный документ не подписан, лишь в конце есть надпись: “Снято у Андреевского церковного дьячка” [5. Ед. хр. 36. Л. 39–39 об.]. В доносе отмечалось, что, пожалованные императрицей дары (дьяконский стихарь, круги воздухов с покровами, белый штофный подризник, жертвенник и др.) в обеих церквах не являются объектом бережного к ним отношения. Так, в Десятинной церкви “парчовая подкладочная материя... вся подралась так, что к безобразию [нрсб.] и не исключено от всегдашнего употребления и нехранения полинялые и притертые”. Священнику Десятинной церкви Барнуцкому и протопопу Андреевской Церкви Каменскому и священнику Гладкому было указано на необходимость более

осторожного отношения к “сокровищным парчовым облачениям” (они не должны были использоваться постоянно), однако, вышеупомянутые церковники мало реагировали на замечания. Священник Барнуцкий, как ему предписывалось, риз не исправил. Каменский же и Гладкий ценных вещей не хранили и не содержали “.. .особо за печатями, но без разборно и наружно без сундуков...”. Другими словами, дары Екатерины хранились “с крайней небрежливостью”. В этом доносе обнаруживается стремление написавшего его лица обосновать свои действия указом императрицы от 30 декабря 1770 г., в котором она повелевала всем московским соборам записывать сокровища в отдельных книгах, а их состояние контролировать должностным лицам соответствующего ранга [5. Ед. хр. 36. Л. 39–39 об.]

В целом следует подчеркнуть, что пожалования и дары императрицы должны были утвердить население не только в ее щедрости, но в особом попечении о православной церкви и благочестивости.

Понятие легитимности власти фиксирует и наличие представлений “о значимости социального порядка”. В этом смысле анализ подготовки приезда императрицы малороссийским духовенством представляется весьма важным [7. С. 636–642, 645–651]. Подготовка духовенства Киева к встрече Екатерины позволяет определить приоритеты церкви во взаимоотношениях с верховной властью.

Материалы архива Киево-Печерской лавры дают возможность увидеть многообразие деятельности монастыря в деле его благоустройства в преддверии приезда высочайшей особы. Во-первых, монастырь принял участие в строительстве “путевого дворца” в Броварах, в котором императрица во время “шествия в Киев” должна была обедать [4. Д. 605. Л. 177]. Во-вторых, важным объектом “поправлений” являлась сама Киево-Печерская лавра. Уже в апреле 1786 г. рапорт иеромонаха Виталия наместнику Лавры устанавливал, какие именно сооружения требовали немедленного ремонта. В частности, он писал о том, что необходимо поправить крайне обветшалое преддверие церкви Рождества Богородицы, и “художеством иконописным отделать красками и в 18-ти местах святых написать”. Церковь извне и изнутри следовало очистить, столбы раскрасить. Особенного дорогого поправления требовала церковь Благовещения (дальние пещеры), где следовало позолотить иконостас и на место обветшалых ворот поставить новые Царские врата [4. Д. 605. Л. 229]. Только для подстилания в церквях и пещерах Лавры к шествию Екатерины было куплено на церковные деньги 694 локтя зеленого сукна [4. Д. 605. Л. 330]. Особое внимание обращалось на порядок в пещерах Лавры, которые должна была посетить императрица. Наместник Лавры иеромонах Каллист особым распоряжением приказал, чтобы в переходах в пещерах монахи блюли чистоту [4. Д. 605. Л. 297].

В вопросах благоустройства монастыря каждый шаг духовенства регламентировался. Все меры по ремонту церквей на территории Лавры решались во взаимодействии с киевским митрополитом Самуилом, для которого было важно, чтобы церкви не только были “выкрашены пристойным образом”, но их роспись соответствовала бы общепринятым канонам. Так, в своем распоряжении от 25 мая 1786 г. он указывал, чтобы ничего не было написано “противного святым правилам, церковному узаконению и указам”. Самуил особо оговаривал правильность иконописи и настенного письма: росписи следовало делать с “наиприличнейшей осторожностью, дабы чрез несоблюдение сего, не открылось наших неприличных следствий” [4. Д. 605. Л. 250 об.]. Таким образом, малороссий-

ское духовенство, чувствуя, что объектом внимания императрицы и ее окружения могут стать и православные культовые сооружения, в своих действиях старалось проявить лояльность и преданность: все исправления должны были отвечать принятым в Российской империи образцам.

Уже ближе к приезду императрицы, в январе 1787 г. появился ряд распоряжений по Лавре, регламентирующий как долженствующий облик духовных лиц, так и его поведение. Ордер наместника Каллиста от 27 января 1787 г. приказывал монахам, чтобы они ходили “по долгу своему в церковном приличном одеянии и в мантиях распущенных, а отнюдь не запятнанных, и в пучки несвязанными волосами” [4. Д. 605. Л. 298]. Еще в декабре 1786 г. из Киевской духовной дикастерии Лавра получила распоряжение о порядке встречи императрицы, которое строго оговаривало правила поведения духовенства в момент ее прибытия в Киев. Следует думать, что это было предписание, присланное сверху – из священного Синода. Одной из задач этой инструкции являлось внушение того, что предписываемая модель поведения духовных лиц в момент прибытия Екатерины должна была соответствовать тому чину, к которому они принадлежат. Монашеству приказывалось не бродить и не разъезжать по городу “ни под каким видом”: они должны были безотлучно находиться в своих монастырях. В обязанность Управы благочиния входило наблюдать, чтобы киевские и приезжающие церковнослужители “носили пристойную одежду” и “не шатались бы нигде по непристойным местам”. Для покупок из мужских монастырей следовало отправлять самых честных и надежных лиц, а из девичьих – белиц или светских людей [4. Д. 605. Л. 271].

Большое беспокойство иерархов церкви вызывала возможная подача челобитных. Поэтому в документе, регламентирующим распорядок встречи венценосной особы, специальным пунктом подтверждалось запрещение монашеству и священнослужителям утруждать императрицу “ни в пути, ни в Киеве, и нигде”, ни письменными, ни словесными жалобами и прошениями в силу прежних узаконений [4. Д. 605. Л. 270 об.]. В данном распоряжении, по сути, напоминались основные положения уже существующих законов о запрете подачи челобитных непосредственно в руки монарха.

Этот документ духовный собор Киевской лавры распорядился зачитать в трапезной для всей лаврской братии 4 января 1787 г. для того, чтобы монашество приняло это к сведению, и не смогло бы сослаться на его незнание. Собор дополнительно подчеркнул, “чтобы никакого безобразия... особенно пьянства и шума, быть не могло”, а была бы только “благопристойность, приличествующая на сей случай” [4. Д. 605. Л. 270, 272 об.]. После ознакомления с данным распоряжением с монашества были взяты соответствующие подписки [4. Д. 605. Л. 276–276 об.]. Киевская духовная дикастерия разослала соответствующие указы по всем церквам и монастырям Киевской епархии [5. Ед. хр. 132. Л. 2–7 об.].

Отдельный блок вопросов, отраженных в документах, связан непосредственно с церемониалом встречи Екатерины киевским духовенством. По получении известия о дне ее приезда духовные лица – все преосвященные архиереи, архимандриты, игумены, протоиереи и прочие духовные лица, утром этого дня должны были собраться в Лавре, произвести божественную литургию заблаговременно, не ожидая высочайшего прибытия, если что разве не последует высочайшего повеления. Понятно, что путешествие в Крым было особенно утомительным, а потому этот пункт был, очевидно, оговорен со светской властью [4. Д. 605. Л. 268]. 22 апреля 1787 г. перед отъездом Екатерины из Киева, в Киево-

Печерской лавре, Николаевском монастыре и во всех приходских церквях следовало отправить молебен о здравии и благополучном путешествии [4. Д. 605. Л. 323].

В рассматриваемых официальных текстах, определяющих церемониал встречи Екатерины II, прослеживается стремление придать пышность происходящему. Торжественность встречи подчеркивала последовательность звучания колокольного звона. “Распорядок” встречи определял, что благовест в большой колокол должен был начаться заблаговременно за один час до прибытия Екатерины и продолжаться до сигнала пушечной пальбы. После этого производился колокольный звон во все колокола во всех трех частях города до самого вступления императрицы в соборную Печерскую церковь [4. Д. 605. Л. 268 об.]. Одному из дьяконов следовало поручить нести крест, который долженствовало поднести императрице для целования. Особая праздничность происходящего выражалась в использовании в ритуале встречи наиболее богатой церковной утвари. Например, указывалось, что крест должен быть на серебряном блюде, покрытом богатым “воздушком” [4. Д. 605. Л. 300]. Преосвященным же архиереям заблаговременно перед приездом царицы предписывалось облачиться в священные светлые одежды для отправления литургии. Оговаривалось также, что архимандриты, игумены и прочие священные чины также должны были быть в светлых ризах, “каждому по его сану подобающем”, что означало особую торжественность момента [4. Д. 605. Л. 268 об.]. Устанавливался реестр лиц, долженствующих облачиться в священные одеяния для встречи императрицы. Среди них, наместник Каллист, игумен Феофилакт, Феофан Типограф, блюститель пещер Виталий и др. [4. Д. 605. Л. 233]. Видимо, наместник Каллист был озабочен тем, чтобы перед царицей предстали лишь лучшие из клириков. Так, в его распоряжении от начала января 1787 г. блюстителям пещер предписывалось: в случае высочайшего пожелания их посетить, следует устроить встречу, в которой будет принимать участие “нарочито отборная братия” [4. Д. 605. Л. 297].

Осознание значимости приезда коронованной особы проявлялось и в заботе духовенства о соответствии проведения службы принятым правилам. Ордер наместника Каллиста приказывал клиросу Соборной церкви, чтобы “церковное пение вели ... по уставу чинно, без вечного притворства и не ... пристойного восклицания”. В распоряжении указывалось, чтобы “где не надобно не останавливаться, особливо в присутствии Ея императорского Величества”. Поэтому в служении поздних литургий с пением наместник распорядился задействовать “искуснейших” певчих [4. Д. 605. Л. 298].

Особо оговаривалось поведение монахов во время присутствия государыни на богослужении. Монахи должны были соблюдать “чинность и порядочность”, “не бегая по церкви”. Расписывались также правила поведения тех монахов, которые должны были снимать огарки со свечей: не подходить с щипцами близко к тому месту, где “Ее величество изволит стоять”. Огарки не следовало бросать под ноги, а относить в отдаленные места и бросать в лохань с водой, “дабы противного дыму не производить” [4. Д. 605. Л. 291 об.].

В поведении местного православного духовенства Малороссии в ходе высочайших путешествий отразились практически те же черты, что и у клира Киево-Печерской лавры. Оно должно было активно участвовать в церемониале встреч императрицы не только в городах, но и в селах, на станциях, где устраивались обеденные столы и ночлег.

Сведения по Черниговской губернии позволяют сделать выводы о том, какие рекомендации давались там духовенству при встрече с государыней. Все городское духовенство обязывалось выходить из церквей без хоругвей и больших выносных крестов, а “единственно с животворящим крестом”. В селах, по тракту “высочайшего проезда” духовенству было приказано за села с крестами и хоругвями не выходить. Полагалось, чтобы священники в “первом” малом облачении, т.е. в ризе и епитрахили и, “единственно имея на блюде” святой крест, стояли с причетниками. При этом предписывалось им быть в опрятном виде. Во время проезда императрицы должен был производиться колокольный звон. Если она во время проезда соблаговолит остановиться близ церкви, то в это время священник “с благовинием” и “во всякой трезвости”, обязан был святой крест “ко всевысочайшему принятию” поднести, однако в погоню за государыней со “святыней” не стремиться [8. С. 102, 103]. Как видно, духовенство должно было соблюдать чинность и благопристойность.

В тех местах, где имелись выданные сборные просительные книги (для собирания добровольных подаваний), то по ним разрешалось испрашивать пожертвования только до 1 января 1785 г. С этой даты протопопы духовных правлений и настоятели монастырей обязаны были изъять книги и запечатать их печатями до высочайшего отъезда [8. С. 103].

Намеченные в официальных документах правила поведения заранее устанавливали то, как духовенству следует себя держать во время императорского путешествия. Обликом и поведением представители духовного сословия должны были соответствовать своей роли в обществе и государстве. С другой стороны, описываемые религиозные обряды, ритуалы встречи императрицы были ориентированы на поддержание величественного и торжественного образа ценной особы.

Исследователи отмечают, что понятие “легитимность” характеризует и способность власти обеспечивать свое институциональное господство посредством эффективного использования “верований в моральные символы, священные эмблемы и юридические формулы”, вера в “символы господства” [9. С. 48–49]. Путешествия Екатерины II реализуют эту функцию власти, и особая роль в конструировании этого символического пространства принадлежит духовенству, в том числе и малороссийскому. Проповеди, хвалебные слова, речи, произнесенные Самуилом и другими духовными лицами во время встреч с коронованной особой, представляют пространство легитимации власти¹.

Анализируя тропы и метафоры этих речей, можно увидеть, что духовные лица в своей риторике использовали уподобление императрицы с образом и подобием Бога. Эта тенденция просматривается во всех поездках императрицы по стране, в том числе и в Киев. Приезд Екатерины приравнивается к Христову пришествию.

Так, 29 января 1787 г. Самуил в речи на прибытие Екатерины в Киев произнес: “Мы во власти твоей монаршей со благоговением почитаем и исповедуем власть, силу и могущество небесного божества; мы во благодеяниях, тобою прещедро на нас изливаемых, благословим десницу; исполняющую всяческая бла-

---

¹ Рассматривая риторические стратегии данных текстов, все же следует принимать во внимание элемент конъюнктуры: встречая коронованную особу, духовные лица надеялись и на повышение статуса, и на вознаграждение, и на улучшение материального состояния епархий и т.д.

гости; мы в матернем твоём лице признаем и созерцаем ...Превечного Отца” [10. Л. 48]. В текстах малороссийских духовных лиц встречаются сравнения Екатерины и с “отцом небесным” [11. № 72. С. 343], и с “Воскресшим Христом” [10. Л. 50]. Таким образом, сакрализация образа монарха является одним из средств, возвышающих императорский образ.

Подобные параллели воздействовали на сознание современников. В воспоминаниях Е.Ф. Комаровского, современника и очевидца пребывания Екатерины в Киеве, отмечается речь Самуила (сказанная на Пасху), в которой он “уподобил ее Христу, явившемуся, после Воскресения, своим ученикам” [12. С. 388].

Важным аспектом легитимации власти представляется *установление преемственности существующей власти* с предшествующими монархами и князьями. Это было озвучено в хвалебных речах, где духовные лица, приветствуя приезд высочайшей особы, апеллировали к образу *города Киева*, символами которого являются князья Владимир, Ярослав и др. Сквозь символические аллюзии проступали архетипы обновления и преобразования власти, что связывалось с пребыванием российской государыни в этой древней столице. 11 марта 1787 г. по совершении божественной литургии преосвященный Самуил обратил внимание государыни на то место, где они находились – *Софийский собор*, строительство которого для него является доказательством “теплоты веры и усердия к Богу”. Кратко отмечая вехи его существования, преосвященный начал его историю с Ярослава Мудрого, продолжил Владимиром Мономахом, который возложил на себя “все украшения царского сана” (символы власти) и закончил Петром Великим, приносившим торжественное благодарение Богу в этом храме за победу под Полтавой. Все эти события, по мнению Самуила, способствовали величию этого храма. Митрополит акцентировал внимание на преемственности власти, и подвел слушателей к мысли о том, что отныне он – храм – “воспримет новое сияние власти” в силу присутствия в нем “такой монархии”. Самуил акцентировал ее православную идентичность: любовью к Богу, сооружением многочисленных православных храмов, Екатерина несравненно превзошла высоких своих предков [10. Л. 48–49].

Утверждение преемственности власти с прежними монархами присутствует и в речи ректора Киевской академии Варлаама Миславского. Он указал на неразрывную связь российской императрицы со всей православной традицией: “*Виноград сей Высочайшего Вашего посещения удостоенный есть насажден благословенною десницею великого и святого князя Владимира*. Первые его ветви были слабы и малочисленны. Но любомудрие и ревность к просвещению великого Ярослава подкрепили и распространили их... Бессмертный Петр первый (так в тексте. – Г.И.) росую обильных щедрот напоил, а возрастить и сладчайшими плодами от них... церковь христову (обогащать ...предоставлено Вашему Императорскому Величеству... Толь милосердый и попечительный о сем винограде промысел, толь высокое покровительство соделали, что ветви в нем произрастающие со дня на день умножают свои плоды” [11. № 87]. *Виноградник* – это символ христианской церкви. Учитывая радикальность реформы, которую проводило правительство по отношению к церкви, а секуляризационные мероприятия в Малороссии проходили именно в эти годы, можно предположить, что таким образом малороссийское духовенство демонстрировало свою лояльность светским властям. К слову сказать, императрицей была отмечена лояльность киевского духовенства: из сумм Кабинета ею была пожалована денежная дача киевским духовным лицам в размере 31 тысячи рублей [14. С. 204].

Одно из обоснований легитимности власти в XVIII в. состояло в том, что целью власти провозглашалось общее благо всех подданных – их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. Концепт “Матери Отечества” и “общего блага” в текстах духовных лиц прослеживаются во взаимосвязи.

28 марта 1787 г. Самуил Миславский в своей речи отметил: “Сладость мира, какову мы внушаем под благословенною твоею державою, обилие радости, какову мы в *кротости твоего духа*, как в неисчерпаемом *милосердия* источнике почерпаем *снисхождение*, и *матерния твои беседы*, коими ободряемы и утешаеши чад твоих, *неусыпное твое попечение о просвещении в вверенных тебе народов*, суть совершенные *доказательства Твоего Воскресшему Христу сообраования*, твоего истинного о восстании его из мертвых *радования*” [10. Л. 50]. “Снисхождение”, “милосердие”, “попечение о просвещении... народов”, “матерние беседы” – это звенья концептов “Матери Отечества” и “общего блага”.

Милосердие, милость, как часть образа “Матери Отечества”, мастерски превозносится в проповедях киево-софийского протоиерея Иоанна Васильевича Леванды. В своей речи 21 апреля 1787 г. в день рождения императрицы он сказал: “Север, представляющий небесныя сияния, в которых намерения Творца непроницаемы, представляет и народ, который извечал на себе судеб Божьих бездну многу. Он возвышен и унижен жалостно... Ныне к удивлению всего света тот же самый народ, руководимый премудростью и силой, восходит на высоту славы благоуспешно... *Милость, подобно небесам, простерлась над ним...*”. Народ из состояния униженности достигает благополучия благодаря, очевидно, милости царствующей монархини. Таким образом, милость Екатерины поднимается на высоту божьего милосердия.

В произносимых проповедях восхваляется активная внешняя политика Екатерины II. В приветственных речах прослеживается *образ империи*. Обоснование имперской политики церковью было особенно уместно во время путешествия Екатерины в Северное Причерноморье, которое утверждало ее как императрицу на недавно присоединенных землях. Чуткий к потребностям дня Г.А. Потемкин отдал распоряжение Таврическому архиепископу Амвросию произнести в Кременчуге приветственную речь. Наставления светлейшего князя определяли темы, которые следовало озвучить. В этой речи должен был присутствовать архетип преобразования – превращение “необитаемой земли в сад плодоносный”. Текст должен был отразить момент, обосновывавший положительное следствие включения Крыма в состав Российской империи: императрица “народ прежде вредный сделала нам собратией”. Проповедник должен был подчеркнуть роль царицы в присоединении и освоении полуострова, заканчивая панегирик словами: “Сей край славе ее принадлежит, а потому народу оного была сугубо мать” [15. С. 233].

Иерархи церкви понимали значимость произносимых приветственных и хвалебных слов императрице, поздравительных од. Уже в преддверии приезда Екатерины в Киев, митрополит Самуил сделал представление Синоду, в результате чего последний издал указ от 25 ноября 1786 г. печатания в типографии Лавры “поздравительной Ея Величества оды”, а также некоторых классических книг на разных языках для Киевской академии [4. Д. 228].

Сама императрица обращала внимание на произнесенные речи. В частности, она была довольна речами Самуила Миславского. Ее похвалы заслужил и Нежинский архимандрит Дорофей. В разговоре со своим статс-секретарем А. Хра-

повицким она отметила, что он “хорошо выражал слова, к кресту относящиеся”. Дорофеею она пожаловала 500 руб., в то время как другим давали по 300 руб. [16. С. 20]. Киевскому протоиерею Леванде по окончании службы, где он произносил речь, в момент подхождения к руке она возложила крест на красной ленте, украшенный бриллиантами [17. С. 225]. Впоследствии в 1789 г., скорее всего, по желанию императрицы, к высочайшему двору лаврская типография отослала разные книги, в том числе проповеди протоиерея Леванды [4. Д. 219].

Один из аспектов легитимации власти – ее соответствие установленным нормам как формальным, так и неофициальным, существующим в обществе представлениям. Торжественные ритуалы встреч венценосной особы, взаимодействие с православным духовенством и утверждение им благочестивого, православного образа Екатерины должно было быть определенным образом воспринято подданными Российской империи. Авторитет императорской власти как архетип традиционного сознания в немалой степени поддерживался религиозными ритуалами, хвалебными словами, речами, проповедями, в том числе и малороссийского духовенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камер-фурьерский журнал. 1787. 15 февраля.
2. Пещеры Киево-Печерской Лавры. Киев, 2004.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 68. Д. 83.
4. Центральный государственный (державный) исторический архив Украины. Ф. 128. Оп. 1 (заг.).
5. Институт рукописей научной библиотеки Украины им В.И. Вернадского. Ф. 230.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 16. Д. 742.
7. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
8. Добровольский П.М. Путешествие императрицы через Черниговский край (по делам Черниговских архивов). Чернигов, 1903.
9. Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 1998.
10. Речи поздравительные Ея Императорскому Величеству во время высочайшего прибытия, пребывания и отшествия, сказыванныя святейшего, правительствующего Синода членом, преосвященным Самуилом, митрополитом Киевским и Галицким, и архимандритом Киево-Печерския Лавры в Киеве. Киев., 1787.
11. Зеркало света. 1787.
12. Семнадцатый век. 1869. Кн. 1.
13. Булгаков С.В. Настольная книга для священнослужителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М., 1993. Т. 1.
14. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Киев, 1908. Отд. II (1721–1795). Т. V. Царствование Екатерины II (1762–1795). Киевский митрополит Самуил Миславский (1783–1795).
15. Живов В. М., Успенский Б.А. Царь и Бог. (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды: в 3 т. М., 1996. Т. 1. Семиотика истории; Семиотика культуры.
16. Панегирическая литература петровского времени. М., 1979.
17. Терновский Ф.А. Киево-софийский протоиерей Иоанн Васильевич Леванда: его биография и неизданные доселе проповеди и письма. Киев, 1879. Л. 27.
18. Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2003.
19. Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого статс-секретаря императрицы Екатерины II (29 февраля 1787). М., 1990.
20. Есипов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины в Южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1890. Т. 32.